

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Источник нечистой силы

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Источник нечистой силы

«Научная книга»

Савина Е. И.

Источник нечистой силы / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Охотница на ведьм, в миру скромный рекламный агент, Ольга Калинова вступает в неравный бой с могущественной ведьмой. Быт рекламной конторы жутким образом сочетается с потусторонними поединками, и бой идет не на жизнь, а на смерть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Савина

Источник нечистой силы

Глава 1

Несколько последних дней моя голова была занята только одной мыслью: где бы найти гонг североамериканских индейцев. Я обзвонила все магазины, торгующие музыкальными инструментами, там мне любезно отвечали, что могут принять у меня заказ на рояль любого цвета, от нежно-розового до фиолетового перламутра, на китайскую цитру и даже на древнерусские гусли, но интересующий меня гонг все почему-то доставить в Москву отказались.

Тогда я пошла дальше в своих попытках приобрести жизненно необходимый для меня предмет и нашла нью-йоркский телефон Жанны, бывшей сотрудницы нашего рекламного агентства, уехавшей в прошлом году в Штаты. Она была приятно удивлена моему звонку, но когда услышала мою просьбу, то чуть не повесила трубку. Правда, Жанна перезвонила мне на следующий день и сообщила, что отправить мне гонг североамериканских индейцев почему-то нет никакой возможности. Опять вышел облом, но я не могла просто так выбросить из головы свою затею.

После того, как я приехала в Москву, чтобы выяснить причины трагической смерти моей сестры-близняшки Натальи и отомстить за нее, моя жизнь в столице была сплошной полосой препятствий. Но все эти препятствия носили парапсихологический характер. Поскольку во мне открылись неординарные экстрасенсорные способности, я смогла все их преодолеть и достигнуть своей цели – отомстить Захару, погубившему мою сестру и еще очень многих ни в чем неповинных людей. Я вырвала из его цепких черных ручищ Васику и Дашу, которые впоследствии стали моими друзьями. Но на этом моя миссия в Москве, да и на Земле, в широком понимании этого слова, не была закончена. Я стала охотницей на ведьм.

Сколько раз, не думая о себе, я бросалась в пламя жестоких схваток с нечистой силой и выходила из них победительницей! Это не всегда было легко. Мне многое пришлось пережить – осознание того, что месть не вернет мне сестры, предательство человека, которого я любила, но который был со мной лишь потому, что хотел меня уничтожить, и даже потерю и обретение вновь моих экстрасенсорных способностей. Но я ни о чем не жалею. Хорошего было больше, чем плохого. Чем больше нечистой силы мне удалось уничтожить, тем светлее становился наш мир. Во всяком случае, я теперь думала именно так.

Почти месяц прошел без паранормальных эксцессов. Я отдыхала! Мне даже показалось, что Москва очищена от всякой скверны, и я имею полное право на то, чтобы подумать о себе. Я решила превратить квартиру, доставшуюся мне в наследство от безвременно ушедшей из жизни Натальи, в оазис уюта, покоя и душевного комфорта. Я не исключала возможности, что буду и впредь охотиться на ведьм, если таковые встретятся на моем пути. Поэтому дом, в котором бы я могла легко и быстро восполнять энергию, растраченную при этом, мне был жизненно необходим.

Одним словом, я не на шутку увлеклась древнекитайским искусством фэн-шуй. Я услышала в метро разговор двух женщин о том, как они перестраивали свои квартиры по принципам фэн-шуй, и была потрясена тем, почему я до сих пор ничего не знаю об этом искусстве. Я прошлась по книжным магазинам и накупила массу литературы по заинтересовавшей меня тематике.

Сначала меня удивило то, что авторы порой противоречат друг другу. Но когда я применила свое внутреннее зрение и попыталась выяснить, каким изданиям можно доверять, а каким нет, я неожиданно для себя пришла к мнению, что все писали чистейшую правду, про-

веренную на практике. И дело было даже не в том, что один автор жил в Северном полушарии, а другой в Южном, а стало быть многие понятия были для них диаметрально противоположными. Я поняла, что решающее значение имеет то обстоятельство, что каждый человек индивидуален. Предметы, благоприятно воздействующие на одного человека, могут оказывать негативное влияние на другого.

После нескольких медитаций я пришла к выводу, что прежде всего мне необходим гонг, в который я постукивала бы время от времени, активизируя силы стихии Воздуха в своем доме. Во время медитации я увидела, что именно они способны очистить мою квартиру от накопившейся «грязи». Привнесение гонга в мою квартиру могло бы многое изменить. Во-первых, перестроить сложившиеся взаимосвязи предметов, а во-вторых, улучшить способность проникновения сюда стихий Огня, Воздуха, Земли и Воды извне. Поэтому предпринимать что-либо еще до приобретения гонга представлялось мне бессмысленным.

Во-первых, Наталья была убита именно в этой квартире, а во-вторых, мне слишком часто приходилось именно в этих стенах выстраивать стратегию и тактику парапсихологических битв со всяческой нечистью, а после восстанавливать свои энергетические потери.

Сделав элементарные исследования, я пришла к выводу, что энергетика этой квартиры стала едва ли не угрожающей. Перво-наперво я должна была выбросить весь хлам, который успела накопить Наталья и значительно приумножить я. Надо сказать, что со многими вещами мне было трудно расстаться, потому что я хранила их как память о сестре. Сначала я выбросила все то, что мне наверняка не пригодилось бы никогда – вышедшую из моды одежду, поношенную обувь, надколотую посуду и прочий явный хлам. Много я сложила в картонные коробки из-под телевизора и микроволновой печи и оставила у порога до лучших времен, то есть до того момента, когда я решусь выбросить и это.

Так вот, опять о гонге. Это только кажется, что в Москве возможно приобрести все, были бы только деньги. Помнится, что как-то летом я искала по всему городу свое любимое клубничное мороженое и не могла найти. В продаже было любое – фисташковое, манговое, ананасовое, банановое, только не клубничное. Можно было подумать, что именно эта красная ягода является экзотической, а не киви, например.

Вспоминается и другой случай. Шеф заказал себе на день рождения пепельницу в виде голой женщины. Все сотрудники нашего рекламного агентства сбились с ног, но так и не нашли в Москве такой сувенир. Пришлось купить пепельницу в виде волчьей морды. Зато потом секретарша поехала к маме в Подольск, там пепельниц в виде голых женщин было пруд пруди, да и ассортимент был богатым – от очень худых до самых пышнотелых...

Я уже начала подумывать о том, чтобы использовать свои способности к ясновидению, чтобы узнать, где ждет меня, не дожидаясь, никем не востребованный гонг североамериканских индейцев.

Глава 2

Меня вызвал к себе Вениамин Борисович, директор рекламного агентства «Альнор». Он долго расхваливал меня, и я чувствовала в этом подвох. Я пыталась отгадать, к чему он клонит. Моим единственным предположением было то, что до него дошли слухи о безответственной любви по мне его заместителя Игудина Игоря Игоревича, но тот уже несколько дней не появлялся на работе. Говорили, что он запил. Но мне не хотелось бы обсуждать это с шефом.

– Распустил Игорь Игоревич вас всех!

Я вскинула на директора удивленные глаза.

– Да, распустил. Я занялся бухгалтерией и обнаружил, что мы стали спонсорством каким-то заниматься. Логотипы рисуем, сценарии для видеороликов пишем, а оплаты никакой нет. «Золотую саламандру», кажется, вы опекаете, Ольга Антоновна?

Упоминание о страховом агентстве «Золотая саламандра», словно обухом по голове, ударило меня. Действительно, именно я нашла эту никому неизвестную фирмочку. Благодаря проведенной нами широкомасштабной рекламной кампании название «Золотая саламандра» стала на слуху у каждого москвича. Ее директор – Альбина Эдуардовна Побережнова была женщиной очень не простой по характеру, но я всегда находила с ней общий язык. Последний раз я рискнула и отдала на исполнение ее заказ без предварительной оплаты. «Неужели она меня кинула?» – пронеслось в моей голове.

– Вениамин Борисович, это недоразумение! Я сегодня же все улажу.

– Хорошо, Ольга, ты слишком не переживай. Это я так... Золотая твоя саламандра куда не денется, – сказал шеф, перейдя на «ты». – Ты мне лучше скажи, что у тебя с Игорем?

– Ничего, – категорично ответила я и вышла из кабинета.

Я ехала к Альбине Эдуардовне и вместо того, чтобы готовиться к разговору с ней, опять думала о гонге североамериканских индейцев. Я уже сама начинала понимать, что он стал моей навязчивой идеей, но ничего поделать с собой не могла.

Секретарша долго не хотела пускать меня к Побережновой, но в конце концов мне удалось ее убедить, что я должна поговорить лично с Альбиной Эдуардовной.

Я вошла в кабинет, по-прежнему не имея в голове стройных мыслей о том, как начать диалог. Директриса не обратила на меня никакого внимания. Зато я сразу заметила, что Побережнова чем-то сильно озабочена. И если бы я подготовила несколько фраз для нашего разговора, мне бы пришлось перестраиваться на ходу.

Не узнавая себя, я стояла в нерешительности у входа. Мое подсознание отметило, что интерьер кабинета противоречит всем принципам фэн-шуй. Это была узкая длинная комната, серый цвет стен которой еще больше усиливал сходство с коридором.

– Мне кажется, что у вас на этой стене висели картины, – неожиданно для себя сказала я. – Где они теперь?

– Что? – удивленно спросила Альбина Эдуардовна. – Что вы себе позволяете? Кто вас сюда пустил?

– Это вы что себе позволяете? Два месяца не можете счет оплатить за рекламный видеоролик, – да уж, вот так, не подумав и ляпнув, можно одной фразой загубить все отношения с хорошим клиентом. Но этого не произошло.

– Да, не могу оплатить, – утвердительно сказала Побережнова и сфокусировала туманный взгляд своих заплаканных глаз на мне.

Она выглядела ужасно, и я поняла, что произошло что-то страшное.

Я вспомнила нашу встречу в этом офисе. Тогда Альбина Эдуардовна поразила меня своей необыкновенной красотой. Я даже подумала, что не хотела бы оказаться с ней в одной компании, потому что пришлось бы находиться в ее тени. Нет, я никогда не страдала комплексом

неполноценности, а Побережнова заставила меня на какой-то миг почувствовать, что это такое, даже несмотря на то, то она была лет на семь старше меня.

Теперь я видела ее без макияжа: все лицо было в веснушках, губы – чрезмерно узкими, глаза – слишком маленькими, и даже нос был, оказывается, с горбинкой. Я поняла, что прежде это была красота женщины, которая имела все возможности, чтобы найти свой стиль, подчеркивающий достоинства и скрывающий недостатки своего лица. Короче, я сделала вывод, что она была несколько красивой, сколько холеной и умеющей преподнести себя на самом высоком уровне.

Но что же случилось с ней теперь?

Спросить напрямую я не решилась, но прошла вперед и села за длинный стол совсем рядом с Альбиной Эдуардовной. Она отшатнулась назад, будто я хлестнула ее своим биополем. Затем взяла со стола маленькую серебряную рюмочку и выпила ее содержимое одним глотком. Не знаю, что это было, коньяк или успокаивающие капли, но ее окаменевшее лицо слегка ожило.

– Что, ролик готов? – спросила она.

– Давно, – ответила я.

– Самое лучшее, что я могу вам предложить – это продайте идею другой страховой компании. Поменяете название и вернете свои деньги. А я обанкротилась.

– Альбина Эдуардовна, мы можем подождать еще какое-то время, пока у вас все наладится. Вы – наш давний и постоянный клиент...

– Не стоит, – оборвала меня Побережнова и открыла ящик стола.

Обреченность, с которой говорила Альбина Эдуардовна, натолкнула меня на совершенно идиотскую мысль, что она сейчас достанет из ящика стола пистолет и застрелится у меня на глазах. Я вскочила и бросилась к ней, чтобы предотвратить попытку суицида.

– Ты что, офонарела? – спросила директор, оттолкнув меня к стене и достав из ящика стола носовой платок. – Идите, девушка, отсюда. Охраны у меня нет, но я и сама могу вышвырнуть...

– Я подумала почему-то, что вы пистолет достать хотите, – в свое оправдание сказала я, пытаясь сообразить, как она расценила мой поступок.

Альбина Эдуардовна повернула ко мне голову и посмотрела на меня широко открытыми белесыми глазами. Краснота вокруг них почти прошла, но полное отсутствие макияжа говорило о том, что до моего прихода она плакала.

Побережнова всегда производила на меня впечатление сильной женщины, не способной на такую слабость, как слезы. «Значит ее дела были действительно плохи, но почему же так вдруг?» – пыталась сообразить я.

Раздался внезапный звонок и я вздрогнула. Альбина Эдуардовна взяла со стола маленький мобильный телефон, теряющийся на ее ладони, и ответила. Я еще никогда не видела таких миниатюрных телефонных аппаратов. «Наверное, он жуть какой дорогой, – подумала я. – А вот звончек надо бы заменить, такой громкий звук и мертвого из могилы поднимет».

Побережнова сделала мне жест рукой, чтобы я наконец уходила. Я поняла, что дальше задерживаться здесь неприлично, и направилась к выходу. Едва я взялась за ручку двери, как услышала возглас: «Подожди!» Моей первой мыслью было то, что Альбина Эдуардовна обращается к своему невидимому собеседнику, но на всякий я случай оглянулась.

Я ошиблась. Побережнова обращалась ко мне. Я облегченно вздохнула, сделала несколько шагов до длинного стола и села на крайний стул. Надо сказать, что мне очень хотелось здесь задержаться, но я не находила предлога. Нет, дело не в том, что мне надо было «пробить» оплату солидного счета, я почувствовала некоторые странности в биополе Альбины. На очень короткий момент в моем подсознании возникла жуткая картина: несколько крупных слепней высасывали прану прямо из чакр ее энергетического тела.

Разговор по телефону был очень коротким. Из тех слов, что она произнесла, ничего не было ясно о том, кто звонил и зачем.

– Вас, кажется, Ольга Антоновна зовут, – спросила Альбина Эдуардовна.

Я кивнула в ответ.

– У меня к вам будет просьба. Сейчас ко мне придет один человек. Я представлю вас как представителя зарубежной страховой фирмы. Вы по-немецки говорить умеете?

– В рамках школьной программы...

– Тогда молчите. Просто сидите и молчите. А я буду ссылаться на вас... Вы очки носите? – неожиданно спросила Альбина Эдуардовна.

– Нет, – ответила я.

– Тогда возьмите вот эти. Может, подойдут? – предположила директриса, протягивая мне узенькие очки. – Это я своей дочке купила, она у меня очкарик, но они ей не понравились.

Я еле втиснула дужки очков за уши и посмотрела на Побережнову.

– Пойдет, – сказала она, припудривая свое лицо.

Буквально через две минуты после нескольких легких взмахов щеточки с тушью для ресниц и одного единственного штриха, сделанного блеском для губ, Альбина Эдуардовна внешне и внутренне преобразилась.

Глава 3

Мужчина, вошедший в кабинет, стремительно прошел мимо меня, приблизился к Альбине Эдуардовне и поцеловал ее в щеку. Она хладнокровно смотрела на него, ответив коротко: «Привет».

Гость вопросительно взглянул на меня и произнес:

– Я думал, что ты, Алина, будешь одна. Нам предстоит серьезный разговор.

– А у меня с госпожой Шмидт тоже серьезный разговор, так что ты во вторую очередь.

Мужчину явно удивили эти слова, он с недоверием посмотрел в мою сторону и спросил:

– А я могу присутствовать?

– Нет, – ответила директриса. – Ты только все испортишь. Я знаю, ты считал, что вся ответственность за тот самолет лежит на мне, но ты не знаешь, что я перестраховала свои обязательства в немецкой фирме.

– И у тебя хватило на это ума! – бесцеремонно спросил мужчина.

«Ну и наглец» – подумала я.

Этот тип мне не понравился с самого первого момента, как только вошел сюда. Этот мужчина показался мне похожим на орла. Чем? Носом, напоминающим орлиный клюв, быстрым хищным взглядом почти круглых глаз, а главное своим желанием показать свое превосходство.

Я не могла понять, кто он такой, какое отношение имеет к фирме и к самой Альбине Эдуардовне. А главное – я никак не могла догадаться, что за игру затеяла Побережнова. В любом случае слова должны быть подкреплены делом, точнее, деньгами. Наверное, владелица «Золотой саламандры» надеялась уладить свои дела. Но в моем подсознании еще раз всплыли ужасные кровососущие насекомые, выпивающие из Альбины всю ее жизненную энергию.

Я пыталась установить, имеет ли этот мужчина прямое или косвенное отношение к энергетической агрессии, проявляющейся по отношению к хозяйке этого кабинета, но не успела. Сказав несколько высокомерных фраз, мужчина внезапно встал, попрощался с нами и вышел.

– Все, – сказала мне Побережнова, и в ее голосе прозвучали такие же ноты высокомерия. – Вы мне очень помогли, Ольга Антоновна. Seriously подумайте над тем, чтобы переделать наш ролик для другого страхового агентства, больше я вам ничем помочь не могу. Конечно, вы можете обратиться в суд, но все равно ничего не получите, потому что приоритетными будут мои долги страхователям, и то не все получат свое...

– Альбина Эдуардовна, я не хочу обращаться в суд, я хочу вам помочь, – осторожно проговорила я, снимая очки, которые больно сжимали мою голову.

– Мне уже никто не поможет, – едва сдерживаясь от слез, выговорила она и сразу после этого разрыдалась.

Я подседа к Альбине поближе. Закрывая лицо руками, она издавала всхлипывающие звуки, точно маленький ребенок, строго наказанный родителями. Стоп! Мужчина, только что вышедший отсюда, был ее отцом. Мне подсказал это мой внутренний голос. И я решила уточнить это обстоятельство.

– Это был ваш отец? – снова осторожно поинтересовалась я.

– Как вы догадались? – спросила Альбина Эдуардовна, не открывая мне заплаканного лица.

– Очень просто. Я – экстрасенс. Я вижу, что за всеми вашими неприятностями также стоит чье-то парапсихологическое воздействие. Поверьте, я хочу вам помочь.

– Правда? – по-детски доверчиво спросила Побережнова.

– Конечно, – успокоила я. – Только вы должны быть со мной откровенны. Без вашей помощи, Альбина Эдуардовна, мне будет очень сложно распутать это дело.

– Да, но мне нечем оплатить ваши услуги.

– Мне ничего не надо. Это, можно сказать, мое хобби – охотиться на ведьм. А я вижу, что ведьма или ведьмак приставили к вам... – я чуть было не сказала кровососущих слепней, но, чтобы сразу не шокировать ее, сформулировала помягче: – ...своих маленьких помощников, которые выкачивают из вас все ваши жизненные силы. Да и деньги.

– Это так, выкачивают из меня все мои деньги, – сказала Побережнова, перестав плакать.

Альбина Эдуардовна согласилась рассказать мне всю свою плачевную историю, но где-нибудь в другом месте. Ей казалось, что и ее офис, и ее квартиру кто-то прослушивает. Я понимала, что это скорее всего не так, но согласилась с Побережновой, и мы вышли на улицу. Когда мы сели в ее «Мерседес», я подумала, что с виду ее финансовые дела не выглядели пока уж такими плохими.

– Я знаю одно кафе-гриль, там можно заказать курицу и просидеть в кабинке на двоих хоть весь день, – сказала она. – Там нас никто не подслушает.

Я почувствовала, что разговор предстоит длинный, поэтому решила позвонить на работу и предупредить, что задержусь. Я достала свой мобильный телефон, который по сравнению с Альбининым казался настоящим кирпичом, и тут вспомнила рассказ Васику о том, что мобильники используют для прослушки. Я позвонила в рекламное агентство, а потом обратилась к Альбине Эдуардовне:

– А ваш телефончик, он с выходом в Интернет?

– Ну, разумеется, – ответила она и протянула мне свой миниатюрный телефонный аппарат. – Хотите выйти? Я сейчас научу вас.

– Нет, не хочу. Это я вам к тому говорю, что хакеры, настраиваясь на вашу частоту, вполне могут попасть в ваш компьютер, скопировать записи на автоответчике и все такое прочее.

– А я думала, что сотовый телефон защищен от всяких прослушиваний. Господи! Я такие вещи по нему говорила...

– И «жучок» в него можно поставить, поэтому не только телефонный, но и любой разговор, происходящий в одной комнате с ним, можно прослушать, – говорила я словами Васику, не раздумывая о том, какое действие они произведут на Побережнову.

Остановив машину у светофора, Альбина Эдуардовна открыла окно и замахнулась, чтобы выбросить свой крохотный телефончик на дорогу, но в последний момент передумала, повернулась ко мне и сказала:

– Как я только тебе поверила! Экстрасенс. Может, ты и экстрасенс, только цель твоя вытрясти из меня деньги за ваш видеоролик, а не помочь мне! Тоже мне – альтруистка! Охотница на ведьм!

Многочисленные сигналы автомобилей, которым остановившийся «Мерседес» мешал проехать через перекресток на загоревшийся зеленый свет, заглушили гневную речь Побережновой. Мне показалось, что Альбина вполне может вышвырнуть меня из машины прямо под чьи-нибудь колеса, поэтому пришлось поставить между нами энергетическую стену. Снова загорелся красный свет. Водители, попавшие по нашей вине в затор, продолжали клаксонить. Надо сказать, что данная ситуация не очень-то смутила Побережнову.

Минут пять или десять мы ехали молча. Я пыталась получить хоть какую-то информацию из космоса о том, кто и почему атакует Альбину. Я понимала, что в моих руках должен быть хоть один козырь, чтобы она доверилась мне, но не получила его. Я не могла позволить себе войти полностью в транс, а полумеры не дали положительного результата.

Альбина Эдуардовна припарковала машину у тротуара и, не говоря мне ни слова, уставилась вдаль. Я не поняла, доехали ли мы до нужного места, или она просто хотела, чтобы я вышла.

– Вы можете мне не доверять, только выхода у вас другого нет. То, что происходит с вами, можно остановить только на энергетическом уровне. Конечно, в Москве есть другие экстрасенсы, но сможете ли вы довериться им? Да и медлить нельзя.

Альбина перевела взгляд на меня и спросила:

– Если вы – экстрасенс, то у вас самой, наверное, нет никаких проблем?

– Есть. Сейчас у меня лично есть одна проблема – достать гонг североамериканских индейцев.

– Разве это проблема? Дай объявление в любую газету и тебя завалят этими барабанами.

Слово «барабанами» покорило меня больше, чем ее обращение на «ты» и поучительный тон. Но Альбина Эдуардовна и сама поняла, что переборщила.

– Знаешь, давай перейдем на «ты», я ведь буду рассказывать о личном...

Я поняла, что стена отчуждения между нами разрушилась, спесь директрисы прошла, и убрала свою энергетическую защиту. Альбина оставила свой телефончик в машине, и мы направились в кафе-гриль.

Глава 4

– Со мной это началось примерно полгода назад, – задумчиво проговорила Побережнова. – Я начала терять деньги и ценности самыми странными и невообразимыми способами. Сначала потеряла сережку, потом кошелек в метро украли...

– Ты пользуешься метрополитеном?!

– Конечно, нет. Это было один раз. Пожалуй, с того вечера все и началось. Сережку я потеряла потом... Мы были на вечеринке, а затем поехали к Кириллу. Он стал намекать, что хочет со мной о чем-то серьезно поговорить. Я, дура, подумала, что он после пяти лет нашего знакомства сделает мне предложение, а он, а он...

Альбина расплакалась, и ее откровения прервались. Надо признать, что я не бросилась ее успокаивать, а воспользовалась моментом, чтобы закусить. До этого запах гриля вызывал у меня, как у собаки Павлова, обильное слюнотечение. Но Альбина говорила, а я не могла слушать ее и есть.

– Ты тоже покушай, – предложила я ей.

Но Альбина отпила немного минералки и продолжила:

– Кирилл сказал мне, что у него финансовые затруднения, что он совершил безрассудный поступок, приподнеся мне в подарок шубу. Он просил меня войти в его положение и вернуть ему половину стоимости того манто. Представляешь, Ольга, тебе дарят подарок, а потом просят половину его цены!

– Не представляю, – ответила я. – А что за трудности у него были, он не объяснил?

– Да говорил что-то неубедительное, я уже сейчас не помню. Я хорошо запомнила только одну его фразу: «С тобой, Алечка, слишком много расходов».

– Нахал! – с чувством сказала я.

– Вот именно. Я ответила, что больше их у него не будет, и ушла. Он живет рядом со станцией метро «Красные ворота», это на той же линии, что и моя «Спортивная». В вагоне, где я ехала, было пусто, но по платформе я прошла через толпу какой-то молодежи. Они вроде с футбольного матча возвращались... Короче, уже в подъезде я заметила, что сумочка моя порезана, а кошелек нет. Это было начало, – Альбина тяжело вздохнула и продолжила:

– Я отдала не половину, а всю шестизначную сумму, которую стоила шуба. А он не отказался и взял все, что я ему передала! Самое интересное, что я не просила его покупать мне эту проклятую шубу, это была его личная инициатива. А у меня это была первая незапланированная трата денег... Вскоре умерла мама... Отец как-то странно себя повел. Он сказал, что у него нет наличности, ни рублевой, ни долларовой, а акции быстро не продать, и все расходы я взяла на себя. Я понимаю, что это мой долг, но не прошло и сорока дней, как отец купил себе новый автомобиль. Значит, он был не так беден, как хотел мне показаться! Впрочем, у нас в семье всегда были сложные взаимоотношения, и я бы не придала особого значения этому случаю, если бы он не стал в одном строю с другими...

Потом Альбина рассказала о том, что пошел настоящий бум на страховые случаи, по которым пришлось выплачивать страховки.

– Но крушение самолета окончательно добило «Золотую саламандру», – говорила Альбина. – Обычно самолеты отдают на перестрахование, ну, это когда страховщик страхует часть своей ответственности в других компаниях. Я так и сделала, но теперь вдруг оказалось, что договор с немецкой фирмой был составлен неправильно. Можно оспорить это в суде, но у меня нет средств, чтобы судиться с зарубежной фирмой.

– Да, дела, – проговорила я.

– Я уже не говорю о чередующихся кражах в офисе! Ты правильно заметила, что в моем кабинете висели картины, их украли... Потом мне пришлось выплатить соседке за то, что у меня

прорвалась батарея центрального отопления и вода залила нижнюю квартиру. Смешно, что я боюсь других, а сама оказалась ни от чего не застрахованной...

– Так ты сама не боишься? – спросила я.

– От всего страховать никаких денег не хватит... Машина вот застрахована. Моя жизнь, жизнь моей дочери тоже. А вот квартиру от затопления я не страховала.

– Понятно. Ты расшифровала мне, что произошло с тобой на физическом уровне. Я видела то же самое на энергетическом: слепни впились в твои чакры и высасывают из тебя энергию, то есть деньги. Ты уж прости меня за такие подробности за столом.

– Какой стол! Мне совсем не хочется есть! А как ты видишь этих оводов, где они?

– Это не оводы, оводы не сосут кровь. Это слепни. Понимаешь, у меня перед глазами как бы твоя фотография в негативе и на ней еще слепни... Да это неважно, ты сама-то как думаешь, почему это с тобой произошло?

– Я об этом все думы передумала. Понятия не имею. Я была очень состоятельной, а теперь превращаюсь в бомжиху...

«Ну, до бомжихи тебе еще далеко, – подумала я. – У тебя есть несовершеннолетняя дочь, поэтому без квартиры ты не останешься, разве что поменяешь на меньшую. Едва я подумала так, как страшная картина предстала моему внутреннему зрению. Я увидела Альбину, лежащую без чувств на земле, и поняла, что над ней нависла смертельная угроза».

– Скажи честно, – спросила я, – ты не пытаешься свести счеты с жизнью?

На бледном лице Альбины отразился испуг.

– Ты должна быть со мной откровенной, иначе я не смогу тебе помочь, – повторила я.

– Да, – сказала она, потупив глаза. – Сегодня впервые мне пришла в голову эта мысль. Если бы ты не пришла, я бы точно застрелилась бы...

– А как же твоя дочь? О ней ты не думала.

– Я же говорила, что у нас в семье странные отношения. Каждый сам по себе. Татьяне пятнадцать лет, и она считает себя самостоятельным человеком...

– Насколько я знаю ваши правила, если бы ты совершила эту глупость, то твои родственники не получили бы страховку.

– Не получили бы, – подтвердила Альбина. – Я понимаю, что это было глупо, меня словно бес попутал...

– Знаешь, раз уж все началось с Кирилла, скажи, как мне его найти. Может быть, через него я смогу что-то узнать.

– Может быть? – переспросила Побережнова. – Так ты не уверена в своих силах! Я думала, что ты сейчас поводишь вокруг меня руками, прочитаешь какой-нибудь заговор и тогда...

– Альбина, ты же умная женщина. Ты должна понимать, что для того, чтобы остановить зло, надо узнать, где его источник.

Побережнова долго осмысливала мою последнюю фразу, потом сказала:

– Хорошо, я могу дать адрес Кирилла, но разве ты сможешь вот так запросто прийти к нему домой? Лучше на работу, это будет как-то естественней.

Глава 5

Кирилл Борисович был стоматологом и это неудивительно. Какой-нибудь участковый терапевт вряд ли смог бы позволить себе подарить своей возлюбленной меховое манто. А хозяин и главный врач стоматологической клиники смог! Только потом вот взял и пожадничал, потребовал половину безрассудно потраченных денег обратно. Когда же Альбина вернула ему все сполна, он не отказался.

Я попыталась представить себя на месте Альбины. Скорее всего, я поступила бы так же. «Да, я обязана помочь Побережновой только из одного чувства женской солидарности, – думала я. – Надо же, гусь какой! Неужели он рассчитывал, что после такого поступка Альбина будет поддерживать с ним близкие отношения? А может быть, он таким образом хотел подвести их долгий роман к финальной черте расставания? Скоро я все узнаю об этом Кирилле Борисовиче».

Я решила сегодня не возвращаться в рекламное агентство, поскольку занималась все-таки проталкиванием оплаты нашего счета «Золотой саламандре». На самом же деле побудительный мотив был другим – охота на ведьм, но одно было следствием другого.

Альбина повезла меня к интересующей нас клинике и поспешила скорее уехать, чтобы Кирилл не увидел по случайности ее «Мерседес» в окно. Она была на него еще очень зла и категорически не хотела с ним встречаться. Мне были понятны ее чувства.

Около кабинета главного врача стояла девушка в белом халате и объясняла пожилой даме, что у Кирилла Борисовича сегодня не приемный день, поэтому он не сможет осмотреть ее.

– У нас все врачи высшей категории, почему же вы хотите обязательно к Кириллу Борисовичу?

– Потому что я доверяю только ему, – ответила пожилая дама, не спеша отходя от двери с табличкой «Главный врач Лебедев К. Б.».

Медсестра, выполнявшая роль строгой секретарши, оставалась непреклонной к доводам пациентки с острой зубной болью. Я поняла, что у меня подобный трюк, к которому я хотела было прибегнуть, тоже не пройдет. Поэтому я представилась девушке в белом халате рекламным агентом, и та беспрепятственно пропустила меня.

– Можно подумать, у рекламных агентов не могут болеть зубы, – услышала я недовольный голос старушечки.

Кирилл Борисович вскинул на меня вопросительный взгляд.

– Здравствуйте. Я из рекламного агентства «Алькор», – начала я разговор с привычной для себя фразы.

Я отметила, что Кирилл Борисович был очень привлекательным мужчиной, лет на десять старше Альбины. Его голова была уже отмечена благородной сединой, а белоснежная улыбка напрочь разрушала стереотип о том, что стоматологи сами никогда не имеют красивых зубов. Наверное, вместе они неплохо должны были смотреться.

– Знаете, моя клиника не нуждается в рекламе, – ответил он. – Но я, признаться, человек честолюбивый, и мне хотелось бы, чтобы где-нибудь на Ленинском проспекте, где прошло мое детство, висел большой плакат с моей фотографией...

«Есть контакт!» – подумала я, доставая рекламные проспекты и фотографии образцов нашей продукции. Пока Кирилл Борисович изучал эти материалы, я пыталась влезть в его подсознание. Мне сразу стало ясно, что по своей натуре он человек не жадный. Но это все, что при поверхностном парапсихотерапевтическом исследовании я могла узнать по интересующему меня вопросу. Чтобы сканировать более глубокие слои его подсознания и узнать, что

же на самом деле произошло полгода назад между ним и Альбиной, я должна была ввести его в транс.

Кирилл Борисович оказался крепким орешком, мне никак не удавалось погрузить его в состояние гипнотического сна. Он словно чувствовал мои попытки воздействовать на него и внутренне улыбался своей неуязвимости. Я уже начала подумывать о том, чтобы задать свои вопросы открытым текстом, то есть поговорить с ним об Альбине начистоту, но вдруг поняла, что дело сдвинулось с мертвой точки.

Задав мне вопрос о сроках выполнения заказов, Лебедев посмотрел мне прямо в глаза, его взгляд расфокусировался, он отклонился к спинке кресла и застыл в глубоком транс. Я встала, подошла к двери и осторожно захлопнула ее, чтобы нам никто не помешал.

– Вы знакомы с Побережной Альбиной Эдуардовной? – спросила я своего пациента.

– С Алиной? Да, знаком, – ответил Кирилл Борисович.

Сначала его лицо расплылось в нежной улыбке, а потом ее сменила озабоченность.

– Вы покупали ей шубу?

– Да, покупал.

– И вы попросили Альбину возместить половину ее цены?

– Да, попросил, – без особых эмоций ответил главный врач.

– А почему вы это сделали?

Лебедев молчал. Я решила, что неправильно сформулировала свой вопрос, и стала думать, как бы иначе задать его, но вдруг он ответил:

– Я был тогда пьян и просто пошутил. Я не думал, что Алечка воспримет мои слова серьезно. Я извинился перед ней после...

– Но Альбина вернула вам все деньги, и вы от них не отказались?

– Я не сразу это понял. Какая-то девушка принесла мне пакет, я решил, что это презент от благодарной пациентки, и, не глядя, сунул его в стол. Там он пролежал почти месяц. А когда я все-таки развернул его, Альбина меня уже избегала.

Такой ответ показался мне странным, но я твердо знала, что человек в состоянии транса не может покривить душой. Я видела, что при упоминании имени Алечки, Альбины его аура окрашивалась в нежно-розовый цвет, что говорило о еще не угасшем чувстве любви к Побережной.

– Вы еще любите Альбину Эдуардовну?

– Я любил и... Да, люблю.

Спрашивать Кирилла Борисовича о чем-то еще было бессмысленно. Я поняла, что он не мог напустить на Альбину слепней-вампиров. Более того, его пьяная просьба вернуть половину стоимости мехового манти сама по себе явилась следствием действий нечистой силы. Ведь он сам не смог толково объяснить свой поступок.

Я вывела Лебедева из транса.

– Да-да именно на Ленинском проспекте, на перекрестке с улицы Дмитрия Ульянова, – едва придя в себя повторил Кирилл Борисович.

– Нет проблем, – ответила я.

Кто-то попытался открыть дверь в кабинет. Я вспомнила, что закрыла ее на замок и забыла отпереть. Лебедев с удивлением покосился на дверь и на меня.

– У меня какое-то странное ощущение, – произнес он. – Будто все это происходит не со мной.

– Отчего? – спросила я, широко улыбаясь.

– Не знаю...

Раздался сначала робкий, а потом более настойчивый стук в дверь.

– Войдите, – громко сказал главный врач.

Я понимала, что войти никто не может, пока мы не откроем дверь изнутри, но продолжала глупо улыбаться. Кирилл Борисович почувствовал неладное, встал, подошел к двери, обнаружил, что она закрыта на замок, снова повторил:

– Да, именно будто все это происходит не со мной.

Затем он открыл дверь и впустил испуганную девушку в белом халате.

– У вас все нормально? – спросила она.

– Да, – машинально ответил он.

– А зачем закрывались?

– Закрывались? – переспросил Лебедев.

Я перестала улыбаться и сказала первое, что мне пришло в голову:

– Сквозняк.

На мое счастье, окно было приоткрыто, а клен, растущий перед окном, шаловливо покачивал ветками.

Кирилл Борисович подошел к столу, посмотрел на рекламные материалы, потом на меня и сказал:

– Пожалуй, я не стану тратить деньги на вашу рекламу. Спасибо, девушка, вы можете идти.

– Папа, что здесь произошло? – спросила медсестра.

– Ничего, я чуть было не поддался своему тщеславию.

Я поспешила удалиться из кабинета. Да, надо признаться, что вводить в транс врачей очень рискованно. Они сами хорошо владеют этой техникой. Ясно, что Лебедев меня раскусил. Только он, вероятно, решил, что я воздействовала на него, чтобы он не отказался от своих намерений. Я бы получила хороший процент от этой сделки. Стоп! Я шла сюда за другим. И моя основная цель достигнута. Только что же мне делать дальше?

Я обнадежила Альбину, что помогу ей поправить ее финансовые дела. Только теперь я не знала, в каком направлении действовать дальше. Мне не хватало информации.

Глава 6

Альбина ждала меня в своем «Мерседесе» за углом. Мы с ней об этом не договаривались.

– Ну что? – сразу спросила она.

– Ничего. Он к этому не имеет никакого отношения. Такой уж у него характер – совершить поступок, а потом назад пятками. Он и у меня почти заказал рекламу, а потом отказался...

– А если это не он, то кто? Кто натравил на меня этих слепней? Ты же говорила, что ясновидящая, значит ты должна это знать.

Я видела, что у Альбины начинается истерика. Мне было ужасно жалко ее. Я всем сердцем хотела ей помочь, поэтому пошла на крайний шаг.

– Я попробую провести сеанс биоэнергетического воздействия по удалению этих слепней. Пригласишь к себе домой?

– Поехали, – ответила Альбина.

Надо сказать, что я сама не верила в то, что предлагала Альбине. Когда у меня только раскрылись неординарные экстрасенсорные способности, я думала, что практически всемогуща. Но это заблуждение быстро прошло. Я поняла, что для того, чтобы распутать колдовской клубок, надо было сначала найти первопричину этих злодеяний.

В данном случае мой парапсихологический разум и мои женские эмоции сочувствия и жалости вели внутри меня аргументированный спор. Разум говорил: «Врач может излечить больного, только поставив точный диагноз. Если же он будет давать один аспирин, постоянно снижая температуру и снимая боль, то он никогда не вылечит своего пациента». Мои эмоции, перебивали разум и кричали: «Нет времени на долгие разбирательства! Если тотчас не предпринять решительных действий, то Альбина не выдержит испытания и чего доброго совершит очередную попытку самоубийства».

Я выслушала доводы обеих сторон и решила действовать параллельно. Но для начала мне не помешало бы ввести Альбину в состояние транса и влезть в ее подсознание.

Мое положение усложнялось тем, что я по своей глупости уже пообещала ей провести сеанс по энергетическому отрыванию слепней от ее биополя. При сложном характере моей подопечной было очень опасно отступить от намеченного плана.

Недоброе предчувствие, что все пойдет наперекосяк, охватило меня, когда я вошла в квартиру директора «Золотой саламандры». Поскольку я в последнее время не на шутку увлеклась искусством фэн-шуй, то стала оценивать квартиру Побережновой именно с этих позиций.

Пока Альбина читала записку своей пятнадцатилетней дочери Татьяны и звонила ее подруге, я прошлась по комнатам. Я сразу обратила внимание на то, что хозяйке отчего-то нравилось держать самые разнообразные вещи на полу. Нет, это был не хлам! Целый зверинец прелестных мягких игрушек располагался на коврах по всей квартире. Я подняла забавную обезьянку, загородившую собой выход на лоджию.

– Мне тоже эта мартышка нравится больше других игрушек, – сказала Альбина.

Я отдала ей улыбающуюся плюшевую макаку и спросила:

– Почему у тебя только напольные вазы и комнатные растения тоже только на полу? Даже вот эта монстера... Она еще очень маленькая, можно ее на подоконнике разместить.

Альбина пожала плечами и сказала:

– При чем здесь моя монстера? Ольга, ты мне зубы не заговаривай! Давай ближе к делу. Я хочу поскорее покончить с этими муками.

– Понимаешь, Альбина, это все взаимосвязано. Согласно фэн-шуй, если много вещей в доме располагается на полу, то это означает, что хозяин этого дома затянут в сложную безвыходную ситуацию. Согласись, что так оно и есть на самом деле.

Побережнова не хотела признавать очевидных вещей.

– Монстера – цветок большой, когда вырастет, ему только на полу и можно будет уместиться, так что пусть сразу привыкает к своему месту. А игрушек у меня столько, что кроме как на полу их и разместить негде. Вот сама посмотри. Этот слон даже на диване не поместится.

– Не поместится, – повторила я. Слон, он и в Африке слон, его можно на полу оставить, а все остальное убрать надо. Хоть к потолку подвешивай!.. – говорила я почти приказным тоном. – Но пол, это еще не беда, а дальше левые углы в каждой комнате. Они везде пусты! А ведь это сектора, отвечающие за достаток в доме.

– Ольга, скажи мне, что ты придумала это прямо сейчас!

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Я же говорила тебе, что увлекаюсь фэн-шуй. Мне для достижения полной гармонии в доме не хватает гонга североамериканских индейцев. А тебе надо убрать все вещи с пола и активизировать определенные сектора.

Альбина стояла в полной растерянности с обезьяной в руках. А я не могла дальше просто так наблюдать за ее бездействием, поэтому стала сама убирать все вещи с пола. После того, как я пристроила несчастную полуметровую монстеру на подоконник, Побережнова отошла от оцепенения.

– Может быть, ты и права, – сказала наконец она. – Наверное, ей здесь будет лучше. На окне света больше. Мне кто-то сказал, что это растение не любит, когда его перемещают с места на место, вот я уж сразу монстеру сюда и определила.

У меня отлегло от сердца, хоть каких-то подвижек мне удалось достигнуть. Дальше – больше. Альбина поразмыслила и вспомнила, что она убрала журнальный столик из дальнего левого угла гостиной примерно полгода назад, как раз перед тем, как Кирилл подарил ей ту злополучную шубу.

– Ольга, я сейчас вспомнила, как ты впервые пришла ко мне в офис и предложила услуги вашего рекламного агентства. Я тогда от них категорически отказалась, но ты смогла меня убедить. Надо признаться, что реклама здорово помогла мне расширить мой бизнес.

«Еще бы! – подумала я. – Тогда мне таких же трудов стоило уговорить тебя раскошиться. У тебя, Альбина Эдуардовна, очень тяжелый характер!»

– Ну что, будешь начинать свой сеанс? Пока никого в доме нет, ты поотрываешь этих слепней, а то Танька придет, засмеет нас.

Эти слова Альбины привели меня в замешательство. Едва я подумала, что можно будет избежать этого сомнительного по своей целесообразности мероприятия, как Побережнова напомнила о нем.

– Подожди, давай сначала поговорим немного. Может, быть ты за это время вспомнила, что кто-то мог желать тебе зла? Ну, вдруг страховку кому-нибудь не выплатила?

– Что значит не выплатила? У нас все строго. Если есть страховой случай, то получи, что положено по договору. Никакой обиды ни у кого быть не должно.

– Так не должно быть или не было? – уточнила я, заставив Альбину посмотреть мне в глаза.

– Не было, – твердо ответила она.

– Хорошо, а может быть, ты когда-нибудь общалась с экстрасенсами? – монотонно спросила я, вводя Побережнову в транс.

Альбина молча покачала головой, что должно было означать, что никакого общения с людьми, наделенными, подобно мне, неординарными парапсихологическими способностями, она не помнит. Я хотела повторить ей тот же вопрос, когда она вошла в транс, но моему внутреннему видению вдруг предстала жутчайшая картина.

Астральное тело Альбины было покрыто гноящимися язвами от укусов слепней. С десятков этих мерзких насекомых присосались к манипуле-чакре, находящейся в области солнеч-

ного сплетения. Я не стала задавать никаких вопросов. Медлить было нельзя, но с чего начать, я тоже не знала. Я действовала просто по наитию.

Я привела себя в состояние глубокого транса, выделила из своего энергетического тела астрального двойника и дала ему задание – уничтожить слепней. Мой астральный двойник оказался весьма находчивым. Сначала он пошире открыл дверь на лоджию, потом надел нечто вроде перчаток и принялся избавлять Альбину от слепней. Он брал их по одному и отправлял через лоджию на улицу. Это оказалось несложным делом, лишь последняя огромная муха никак не хотела даваться в руки моему астральному двойнику.

Она перелетела с одной чакры на другую – с мани-пуры на мулад-хару, с мулад-хары на видшудху, с вид-шудхи она несколько раз пыталась вернуться на мани-пуру и вдруг куда-то исчезла. Биополе Альбины было еще в дырах, но слепней-вампинов уже не было. Я дала своему астральному двойнику новую установку – залатать дыры. Мой помощник снял перчатки и сжег их в энергетическом костре. Затем он направил куда следует золотистые лучи, исходящие из пальцев на вытянутой левой руке, и энергетические раны Альбины затянулись. Я дала последнюю установку астральному двойнику – вернуться в свое энергетическое тело.

Я вышла из транса и ощутила крайнюю слабость. Подобных сеансов мне еще проводить не доводилось. Я должна была срочно восстановить затраченную энергию, поэтому вышла на лоджию. Там было больше свежего воздуха, и я сделала несколько дыхательных упражнений. Мои силы восстановились, я почувствовала, что снова полна целительной энергии и готова вывести из транса Альбину.

– Что это было? – спросила она, прикоснувшись рукой к области солнечного сплетения.

– Это был сеанс биоэнергетического воздействия, – ответила я.

– Я что-то чувствую здесь, в районе желудка...

Я кратко рассказала Побережновой о том, как все происходило. Альбина осталась довольна.

– Теперь и твои финансовые дела должны нормализоваться, – подытожила я.

– Хорошо, если так, – еще сомневаясь в моих экстрасенсорных способностях, говорила Альбина. – Не беспокойся, счет рекламному агентству «Алькор» я оплачу в самую первую очередь.

– Ловлю не слове, – ответила я и с чувством полной удовлетворенности вышла в прихожую. – Да, Альбина, в тот угол, где у тебя стоял журнальный столик, ты все-таки что-нибудь снова поставь, лучше всего какой-нибудь фонтанчик.

Мне показалось, что Побережнова пропустила мои последние слова мимо ушей. «Впрочем, теперь это ее проблемы – ставить фонтан или нет, а моя – найти гонг североамериканских индейцев, – думала я, шагая к станции метро „Спортивная“».

В двери станции меня буквально внесла толпа оголтелых футбольных фанатов. Лишь у турникета мне удалось вырваться из толпы, подойти к окошку, чтобы купить карточку. Я посмотрела на сумку и обнаружила, что она расстегнута, а кошелек из сумки исчез.

– О нет! – вслух произнесла я.

Глава 7

«О нет! О нет!» – повторяла я про себя, как заклинание, пытаюсь отогнать самые страшные догадки. Я внушала себе, что ничего смертельного не произошло, потому что в кошельке была не такая уж большая сумма денег. Вор оставил более ценные вещи: ключи от квартиры и мобильник. В кармане нашлась мелочь на одну поездку в метрополитене, и я оживилась. Но ненадолго, потому что поняла, что совершила непростительную ошибку. Нельзя было идти на поводу у своих эмоций и бросаться помогать Альбине, пренебрегая личной безопасностью! Я же знала, что бесполезно бороться с проявлениями нечистой силы, не разобравшись, кто и почему за ними стоит.

Я оторвала слепней от энергетического тела Альбины и решила, что на этом ее проблемы с деньгами закончатся. Так и случилось, но теперь финансовые проблемы начались у меня. Было бы глупо считать сегодняшнюю кражу кошелька случайностью. Это было знаком, что надо начинать охоту на ведьм с самого начала и по всем правилам.

Может быть, любой другой в ситуации, когда он принял огонь невидимого противника на себя, отчаялся бы, опустил бы руки. Но только не я! В каждой новой экстремальной ситуации я находила в себе новые паранормальные способности и выходила из нее победительницей. «Что ж, гонг североамериканских индейцев подождет! Буду искать след того, кто наслал на Альбину своих помощников – слепней», – решила я.

Вернувшись домой, я, надо сказать, с радостью отметила, что квартиру пока никто не обокрал. Правда, я не директор страховой фирмы, и моя квартира намного скромнее, чем у Побережной. Но я помнила, как тяжело расставалась даже со старым хламом, а уж нужные вещи несомненно жальче...

Я вспомнила каждое слово из рассказа Альбины и поняла, что она мне что-то недоговорила. Интуиция подсказывала мне, что в жизни Побережной было событие, которое и повлекло за собой череду финансовых неудач. Я решила поговорить об этом с духом своей сестры Натальи, ведь души умерших хорошо знают прошлое, а установить спиритическую связь с ней для меня не представляет труда.

Я сконцентрировала все свои органы чувств на образе Натальи. Я мысленно видела ее портрет, слышала ее голос, чувствовала запах ее любимых духов...

– Я здесь, Оля, – сказала она.

– Наталья, я снова прошу тебя помочь мне. Скажи, отчего с Альбиной произошли все эти неприятности.

– От жадности, – ответила Наталья.

– Ну, конечно, от жадности, – повторила я. – А что мне теперь делать?

– Преодолевать жадность в себе.

– Что? – удивилась я. – А как же слепни? Кто их приставил к Альбине?

– Теперь они присосались к тебе, – произнесла Наталья. – Просто, Оля, в этот раз ни я, ни кто-то другой из царства мертвых или живых тебе помочь не сможет. Ты сама впуталась в эту историю, тебе самой и выпутываться...

– Но как же... – хотела я узнать хоть что-то еще, но поняла, что сеанс спиритической связи закончен.

«Жадность, жадность, жадность...» – несколько раз повторила я, пытаюсь вспомнить обо всех проявлениях у себя этого чувства. Ничего из ряда вон выходящего не пришло мне на ум. Я вспомнила, что когда у меня просили займы, я практически всегда давала в долг. Нищим я тоже подавала, хотя и не всегда и не очень много... Нет, сегодня Наталья мне что-то не то сказала! Я не могла понять, что означали ее слова: «Преодолеть жадность в себе».

«Как я должна ее преодолевать, если и не страдаю этим? – размышляла я. – А вот у Альбины я не зря спрашивала, не могла ли она кого-то обидеть, не выплатив страховку. Она не вспомнила такого. Или не призналась? Вот Кирилл пытался оправдаться какими-то финансовыми затруднениями, когда просил полцены за шубу обратно. А Альбина даже не поинтересовалась, что у него случилось. Правда, мне под гипнозом он сказал, что был пьян. Но кто же в трезвом виде скажет о таком? Похоже, Побережнова еще та штучка! Как это я пошла у нее на поводу!»

Да, меня удивил такой поворот событий, но не более. Заниматься самоедством я не собиралась, это было не в моем характере. Я пыталась найти логическим путем ниточку, потянув за которую, можно было выйти на того, кто пустил в ход слепней. Ведь это несомненно был человек, обладающий незаурядными экстрасенсорными способностями!

Но я чувствовала, что ниточка, способная распутать колдовской клубок, ускользает из моих рук. В конце концов я решила, что утро вечера мудренее, и легла спать.

Я сидела на утренней планерке и краснела, как школьница. Вениамин Борисович распекал меня перед всеми сотрудниками, не давая мне сказать в свое оправдание ни слова.

– Вам придется компенсировать все убытки, которые понесло агентство в результате вашего легкомыслия и непрофессионализма. Это значит, что ежемесячно из вашей зарплаты, Ольга Антоновна, будет вычитаться некая сумма, пока она не достигнет той, на которую вас кинула «Золотая саламандра».

– А это сколько? – поинтересовалась новая сотрудница Лена.

– Много, – жестко ответил шеф, а потом вдруг расхохотался. – Кстати, знаете ли вы все, в чем особенность этой ящерицы – саламандры? Наверняка, не знаете. Саламандра чувствует огонь и первой бежит от пожара. Так вот «Золотая саламандра» оправдывает свое название, она попросту сбежала, а платить счет за нее будет Калинова.

– Вы ошибаетесь, саламандра здесь не при чем, во всем слепни виноваты, – едва не плача говорила я. – Вот посмотрите...

Я расстегнула нижнюю пуговицу блузки и сняла со своего тела огромную муху.

– ...посмотрите. И она не одна у меня. Вы думаете, что застрахованы от этих слепней? Нет, они могут завестись у любого из вас. На, Леночка, хочешь подержать?

Я поднесла отвратительное насекомое на своей вытянутой руке прямо к лицу новой сотрудницы, полюбопытствовавшей, сколько денег у меня вычтут из зарплаты. Лена вытаращила от ужаса глаза и упала в обморок...

Я проснулась, было еще темно. Сначала мне показалось, что кто-то фонариком освещал комнату. Я едва не вскрикнула от страха, но вдруг поняла, что это свет луны, мерцающей сквозь ветви деревьев. Я снова закрыла глаза...

Васик вбежал в мою комнату и, ударяя в бубен, возвестил о начале ритуального танца. Все мои гости присоединились к нему, у каждого из них был в руках свой ударный инструмент. Даша в испанском наряде ловко щелкала кастаньетами, Нина в русском сарафане играла на трещотках, а Игорь – на пионерском барабане. На шее у него был красный галстук. Одетые в духе разных времен и народов, все четверо выполняли синхронные движения ногами, перемещаясь по кругу. Только я была не у дел, потому что без гонга североамериканских индейцев не могла присоединиться к ним.

Вдруг в комнату, маршируя, вошла Альбина Эдуардовна Побережнова и горячо засвистела в милицейский свисток. Квартет танцоров мгновенно остановился, Васик, Нина, Даша и Игорь перестали играть на своих ударных инструментах, а я крикнула:

– Альбина, не свисти. В доме деньги водиться не будут!

Альбина свистнула еще раз, а потом сказала:

– А их у мене и нет.

Я проснулась, теперь было уже утро. Я отчетливо помнила оба сна, но в них, к сожалению, было лишь причудливое преломление событий вчерашнего дня и никакой подсказки того, что мне надо предпринять сегодня.

Глава 8

Я вышла из дома. Около контейнеров для мусора я заметила бомжа. Он примерял к себе выброшенное кем-то старое драповое пальто. Я замедлила свой шаг и пригляделась к этому человеку. Не обращая на меня никакого внимания, он утрамбовал пальто в драный грязный мешок и принялся копать в наполненном доверху контейнере.

Да, несомненно, это был тот самый бомж, за поведением которого я невольно наблюдала с момента моего переезда в Москву. Однажды зимой я стояла на автобусной остановке. Здесь же прохаживался мужчина лет тридцати пяти. Я бы не обратила на него внимания, если бы не его ботинки, отрывающиеся подошвы которых были подвязаны веревками. Мой любопытный взгляд прошелся снизу вверх от ног до головы этого человека. Одежда казалась вполне приличной, только брюки были слегка забрызганы грязью. Недельная небритость и усталый взгляд пока не слишком портили его привлекательную внешность. Потом я обратила внимание, как он украдкой поднял с земли окурок.

Я бы забыла о том человеке, если бы не увидела его снова. Тогда он стоял рядом с этими же мусорными контейнерами и озирался по сторонам. Я поняла, что он ждет подходящего момента, когда рядом никого не будет, чтобы залезть в баки. Я специально посмотрела на его обувь и увидела вполне приличные, но давно вышедшие из моды ботинки. «Нашел в мусорке», – подумала я и пошла дальше своей дорогой.

Так, этот бомж время от времени появлялся в моем дворе, и я отмечала, что он все дальше и дальше опускался на дно.

Теперь он был одет в ужасные лохмотья. Я подумала, что пальто стало для него очень удачной находкой. Правда сейчас был конец лета, но приличные пальто выбрасывают не каждый день.

Я вспомнила о коробках, стоящих в моем коридоре, и смелая мысль осенила меня. При чем настолько смелая, что я сама испугалась ее. Этот человек не всегда был нищим и бомжом. Мне захотелось узнать, что довело его до такой жизни. Сам собой возник план предложить ему забрать коробки с хламом из моей квартиры, заодно поговорить с ним, а может быть, даже войти в его подсознание.

Человек нашел бумажный пакет из-под йогурта. Он побултыхал им, понял, что там что-то есть и поднес коробку к губам. Меня едва не стошнило, но я не отказалась от своего плана. Точнее, у меня не было другого выхода, перспектива превратиться в бомжиху совсем не радовала.

Я подошла к нему ближе. Человек по-прежнему не обращал на меня никакого внимания. Он нашел сильно закопченную кастрюльку, рассмотрел ее и сунул в мешок. Я вспомнила, что однажды забыла про суп на плите, а когда вернулась домой, то кастрюля была точно такой же. Отмывать я не стала, а тоже выбросила. Интересно, подобрал ли кто-то мою?

– Эй, – робко позвала я, не зная, как обратиться.

Бомж не обратил внимания. Я сделала усилие над собой и сказала громче:

– Эй, товарищ! Я хочу вам кое-что предложить. Никакой реакции на мои слова не последовало.

– В конце концов я к вам обращаюсь, вы что меня не слышите? – спросила я, зайдя с другой стороны.

– Слышу. Что надо? – хриплым голосом ответил бомж. – Если мешаю, то скоро уйду.

– Да, нет. У меня есть ненужные вещи, – сказать «хлам» я не решилась. – Может, вы прямо из дома их заберете?

Бомж впервые посмотрел на меня и буквально остолбенел. Я почувствовала себя неловко, словно это я заставила его так низко пасть. Он ничего не ответил.

- Я серьезно. Заберете?
- Что там? – пробурчал он.
- Разное... Посуда, одеяло теплое... Мне это не нужно.

Бомж колебался. Мне пришлось подтолкнуть его, применив свои экстрасенсорные способности. Надо сказать, что для меня было настоящим испытанием возвращаться домой в сопровождении такого кавалера, правда он шел за мной на приличном расстоянии.

Бомж задержался на пороге квартиры, с опаской поглядывая на меня.

- Вот эти коробки, – показала я.

Он переступил через порог, выпустил из рук свой мешок и стал копаться в моих коробках.

Я почувствовала невыносимый запах пота и гнили и отошла в глубь комнаты. Мне было видно, как он первым делом заталкивал в свой мешок старое ватное одеяло. «О зиме заботится, – подумала я. – Зима – это самое страшное время для таких, как он».

- Мне все сразу не унести, – виновато сказал нищий.

– Заберете за несколько раз, – ответила я. – Я поговорить с вами хотела бы.

– Я так и знал, – ответил он. – Ты специально это затеяла, вещи подготовила, чтобы заманить. Журналистка, наверно?

- Не совсем, – ответила я. – Но меня очень интересует, что произошло в вашей жизни.

Я подбирала каждое слово, боясь его обидеть, я догадывалась, что у таких, как он, обостренное чувство самолюбия.

- Я уже все забыл, – ответил он, перебирая коробки.

– Как это? Память отшибло, что ли? Не помните, кем вы были и что с вами произошло?

- Считайте, что так.

– Что значит считайте? Не помните или не хотите говорить?

- Я пойду уже...

– Подождите. Скажите хоть как вас зовут, – подойдя к своему гостю поближе, спросила я.

Я уже не чувствовала вони, исходящей от него, я боялась, что он уйдет, и я упущу жизненно важную для себя нить.

- Зачем вам это все?

– С одной моей знакомой произошел случай, короче, она может повторить вашу судьбу.

А я хочу ей помочь, может и вам помогу.

– Нет, – обреченно сказал он. – У меня не осталось никаких документов, мне уже никто не сможет помочь. Один человек, юрист пытался, но у него ничего не получилось.

- Я не юрист, но у меня есть другие возможности... Я – экстрасенс и охотница на ведьм.

Бомж вскинул на меня стремительный взгляд, и я увидела в его глазах крохотную искру надежды. Но она быстро потухла, и человек без паспорта снова поник.

- Мне сразу это все не унести. Можно я зайду еще?

– Да, только вечером. Я сейчас буду занята, – ответила я.

Интуиция подсказывала мне, что он обязательно вернется и расскажет много интересного. Я специально дала ему время для раздумий.

Бомж вытащил откуда-то еще один мешок и забил его моим хламом до самого верха. Теперь мне было совсем не жалко этих вещей, напротив, я поняла, что готова расстаться еще со многими вещами, которыми почти не пользуюсь. Пожалуй, для этого человека, я смогла бы пожертвовать и чем-то необходимым.

Глава 9

На работу я опоздала, но объясняться перед начальством не пришлось. Ни директора, ни его заместителя в офисе не было. Мне очень хотелось позвонить Альбине и спросить, как у нее дела, но я понимала, что за ночь ничего глобального в ее страховом бизнесе произойти не могло. А Побережнова могла бы подумать, что я напоминаю ей об оплате счета.

Я сознательно гнала от себя мысли о слепнях, потому что боялась непроизвольно увидеть этих вампиров в своем биополе. Физически я их не ощущала, но Наталья, сказала, что слепни уже присосались ко мне. Результат их работы не заставил себя долго ждать, вчера у меня украли в метро кошелек. Я вспомнила, что обнаружив его пропажу, я мысленно пожелала вору, чтобы у него отсохли руки. Теперь я пожалела об этом. Ведь не будь этой кражи, я бы не знала, что взяла Альбинины проблемы на себя.

Потом я вспомнила о снах, прокрутила их в своей памяти, но снова не нашла в них никакой подсказки о том, в каком направлении мне дальше действовать. Я только отметила для себя, что моя личная проблема – отошла на второй план. Я отыскала в ящике своего стола газету и заполнила по совету Альбины купон бесплатного объявления.

Как раз в тот момент, когда я вырезала его, зазвонил телефон...

* * *

Анатолий Семенович Ковыга был коренным москвичом и до известной поры – баловнем судьбы. Он окончил исторический факультет МГУ и сделал там блестящую комсомольскую карьеру. После университета Анатолий стал вторым секретарем райкома комсомола. Возможно, очень скоро он стал бы и первым, но вдруг закончилась история КПСС. Смешно, но Ковыга защитил всего год назад дипломную работу по теме «Перспективы развития КПСС в период перестройки». Оцененная на «отлично», она не содержала даже намека на такую перспективу, как распад.

Вполне естественно, что комсомол, бывший младшим братом коммунистической партии, также приказал долго жить. Анатолий Ковыга стал последней инстанцией, куда поступили членские взносы комсомольцев не самого маленького района Москвы. Бывший второй секретарь райкома долго ждал, что кто-нибудь востребует эти деньги, но так и не дождался.

Аналитический склад ума подсказал Анатолию, что их можно считать его стартовым капиталом и пустить в дело. По политэкономии у Ковыги также была «пятерка», а еще у него было много друзей среди бывшей коммунистической молодежи в Польше, Болгарии, Чехословакии и ГДР. Он быстро восстановил с ними свои контакты, правда, теперь не на идеологической, а не коммерческой основе. Одним словом, Анатолий стал заниматься поставками в молодую и голодную Россию продуктов питания из этих бывших соцстран. Ну разве не благородная идея – накормить народ!

Его коммерция процветала. Возможно Анатолию помогал сам Меркурий, поскольку именно эта планета, названная именем римского бога торговли, покровительствовала его знаку зодиака – Близнецы. Ликеры, мясные консервы, легкие маргарины для бутербродов сначала шли у москвичей и гостей столицы на «ура». Через несколько лет многострадальные россияне поняли, что водку лучше пить без ликера, потому что от последнего на утро страшно болит голова. А мясные консервы бывают не только для них самих, но и для домашних питомцев – собачек и кошечек, но на этикетках об этом чаще всего было написано самыми маленькими буквами и только на иностранном языке.

Кто-то бросил клич: «Покупайте, российское!» и Анатолий Семенович понял, что пора перестраиваться, переходить с поставок импортных продуктов на отечественные.

К этому времени Ковыга стал достаточно состоятельным человеком. Он расселил коммунальную квартиру и жил с женой и сыном в пяти комнатах с видом на Кремль. Он каждый год менял машины и ездил отдыхать с семьей на различные острова. У него были счета в нескольких банках, а также хранились сбережения дома в рублях, долларах и немецких марках. Словом, ему было, что терять.

Поэтому, прежде чем отказаться от продления старых контрактов с зарубежными партнерами и заключить новые с отечественными производителями, Анатолий Семенович Ковыга не один раз все обдумал. Он даже ходил советоваться к ясновидящей Тамаре, регулярно дававшей объявления в газетах о том, что она помогает настраивать бизнес на успех.

Тамара предсказала ему успех, на рынке российских продуктов и одобрила его первую намечаемую сделку о поставке в Москву из Саратова трех вагонов муки.

Муку Ковыга смог выгодно реализовать в кратчайшие сроки и получить прибыль больше, чем он ожидал. Другая сделка была о поставке пива. Но вот тут-то все и началось. Пиво не пошло. Даже в разгар летнего сезона он терпел убытки. Анатолий не понимал, то ли конкуренция оказалась жестокой, то ли фортуна отвернулась от него.

Дальше – больше, все стало разваливаться и трещать по швам. Немецкая фирма по производству мясных консервов предъявила ему иск о том, что контракт был неправильно расторгнут. Ковыга выплатил неустойку.

Каким-то странным образом оказалось, что в его пятикомнатной квартире остался прописанным отбывающий срок Иксанов Шамиль Равильевич, который освободился из мест лишения свободы и вернулся домой. Анатолий купил ему однокомнатную квартиру в Бутово.

«Ауди», на которой, в отличие от предыдущих машин, он теперь ездил второй год, подрезал очень дорогой «Соаб». Нашлись свидетели, которые утверждали, что именно он, Ковыга Анатолий Семенович, на своей «Ауди» нарушил правила дорожного движения. Выплатить владельцу «Соаба» компенсации он сразу не смог, потому что его бизнес был уже в расшатанном состоянии, и его, поставили на счетчик.

В жизни баловня судьбы пошла сплошная черная полоса. Чтобы расплатиться со всеми долгами Анатолий был вынужден продать свою квартиру с видом на Кремль. Его и здесь «подставили». За квартиру он не получил практически ничего. Надо сказать, что после всех его просчетов, провалов и подстав Анатолий потерял здравый смысл. Нет, он не сошел с ума, он потерял способность трезво оценивать ситуации, в которые попадал, а потому принимать правильные решения.

Так, из преуспевающего бизнесмена он превратился в нищего бомжа. Его жена, привыкшая к роскошной жизни и до последнего не понимавшая, что они разоряются, осознала всю тяжесть ситуации, когда они оказались выселены в лачугу на краю Москвы. Она подписывала все документы, не вникая в их суть, когда настало просветление, она выгнала мужа на улицу без документов.

Он ушел. Сначала Анатолий скитался по знакомым, которые пока не догадывались о его крахе. Постепенно приятели узнавали, что с ним произошло и отворачивались от него. Анатолий решил вернуться к жене и сыну, но на месте их последнего пристанища он обнаружил следы пожара.

В отличие от него жена не была москвичкой, она приехала в столицу учиться из Оренбургской области. Оставалась надежда, что она жива и уехала к родителям. Но выяснить это он не мог, а может быть и не хотел!

Самым страшным было осознание того, что у него нет никаких документов. Он не знал, кому обратиться за помощью. Родители его умерли, правда в Москве были дальние родствен-

ники – двоюродные дядьки и тетка, но с ними он практически не общался. Они были простыми людьми, без связей, и вряд ли смогли бы ему помочь.

Под вечер он зашел в открытый подвал пятиэтажной «хрущевки». Там жильцы этого дома в своих сарайчиках хранили запасы на зиму и всякий хлам. Анатолий услышал в одном крыле подвала голоса и пошел в другое, чтобы его не заметили. Он думал, что погреемся и выйдем, но не успел, его там закрыли.

Заточение в подвале длилось, по его подсчетам, три дня. Столько времени сюда никто не входил. Первые сутки Анатолий был даже рад этому. Рядом с трубами было тепло, есть не хотелось, просто было не до еды и думать никто не мешал. Правда, там были мыши, но Анатолий не обращал на них внимания.

Вторые сутки без общения и еды стали превращаться в настоящую пытку. Он стал разговаривать вслух сам с собой и с мышами. Проснулся зверский аппетит, и Анатолий стал шмонать по сараям. Надо сказать, что москвичи – народ не очень запасливый. Тем не менее, взломав несколько примитивных замков, он напал на сарайчик, хозяева которого заготовили впрок варенья, соленья и засушили яблок. Гораздо сложнее было с куревом. Свои сигареты быстро кончились, в подвале же ему удалось найти лишь несколько «бычков» и одну раздавленную папиросу.

Ковыга много думал о том, почему с ним такое произошло. Но кроме прикарманенных членских взносов, другой причины, объясняющей случившееся, он не находил.

На третий день в сарай пожаловал какой-то старичок с пустыми стеклянными банками, и Анатолий смог выйти наружу. Там было холодно и скользко. Полностью раздавленный морально, он отправился к своему знакомому юристу. Опустив отдельные обстоятельства своих мытарств, он чистосердечно рассказал Тимофею Архиповичу о своих злключениях.

Сначала тот решил, что восстановить документы будет не так сложно. Тимофей Архипович приютил на время Анатолия у себя дома. Вскоре квартирант понял, что его дело безнадежно и ушел в никуда по-английски, не прощаясь.

Что-то перевернулось в душе Анатолия. Он видел людей, ставших бомжами как и он, их было немало. Ковыга стал учиться жить как они: каждый вечер искать себе новый ночлег, каждое утро начинать с поиска еды. Он приучил себя есть несвежие продукты, отходы из мусорных баков. Нестерпимо болел желудок, но когда всякое смущение и брезгливость прошли, вдруг перестал болеть.

Частые побои стали нормой его жизни. Его били такие же как и он из-за места под солнцем, из-за пары сношенных ботинок и куска несвежей колбасы. Его били жильцы домов, в подъездах, чердаках и подвалах, в которых он ночевал. Его били милиционеры за то, что ему было нечем откупиться. Он все это терпел.

Оказалось, что без определенного места жительства вполне можно существовать, и бывший историк, бывший второй секретарь райкома комсомола и бывший бизнесмен каждый день доказывал, это на практике самому себе...

Я думала о бомже, которого привела в свой дом и на которого возлагала большие надежды по распутыванию колдовского клубка, приводящего к нищете. В этот момент раздался телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала взволнованный голос соседки:

– Мне Ольгу Калинову, срочно!

– Катерина Петровна, это я.

– Олечка, дорогая, ты только не волнуйся...

– Что случилось, – спросила я, уже зная ответ на свой вопрос.

– Твою квартиру ограбили. Я услышала шорох на лестничной клетке, решила посмотреть в глазок, но он был чем-то закрыт снаружи. Тогда я позвонила по телефону Пронькиным к тебе. У Пронькиных взял трубку Миша, он, по моей просьбе, посмотрел в глазок и тоже не

смог ничего увидеть. Мы с ним предположили, что хотят влезть в твою квартиру и вызвали милицию...

– Катерина Петровна, я еду домой. Спасибо, что позвонили...

– Неужели меня ограбил тот бомж, – думала я. Мне очень хотелось чтоб это было не так, но я не могла узнать наверняка, кем был вор, влезший в мою квартиру. Информация из Космоса не шла ко мне, возможно от того, что я задавала вопросы неправильно, с подсказкой желаемого ответа. У меня такое бывало и раньше, когда дело касалось меня лично, я не могла полностью отключить сознание. Потом я вспомнила, что Наталья сказала мне, что я должна рассчитывать только на себя. Я перестала задавать вопросы и помчалась домой.

У входа я столкнулась с Вениамином Борисовичем.

– Куда это вы, Ольга Антоновна, так спешите, точно на пожар?

– Домой. Соседка позвонила, мою квартиру ограбили.

– Что вы говорите! – сочувственно произнес он. – И что украли?

– Пока не знаю, – ответила я и увидела Игоря Игоревича, его заместителя.

– Игорь, отвези Ольгу Антоновну домой, – сказал шеф. – Ее квартиру ограбили.

– Да, да, конечно, – ответил Игорь.

Такой поворот событий меня не очень устраивал. После того, как я однозначно дала ему понять, что не разделяю его чувств ко мне и между нами не может быть других отношений, кроме служебных, Игорь избегал меня. Теперь мы оказались вдвоем в салоне его автомобиля и молчали. Он больше не говорил своих дурацких комплиментов, а я не думала, как отвязаться от него. Как хорошо чувствовать себя свободной!

К дому мы подъехали минут за десять. У подъезда стояла милицейская машина. Я поднялась к себе, Игорь ждать меня не остался.

– Вы, вероятно, хозяйка? – обратился ко мне рыжий паренек и показал удостоверение. – Поступил сигнал от вашей соседки. Мы приехали, ваша дверь взломана, но в квартире уже никого не было.

Я увидела жуткий беспорядок своей комнате. Вещи из шкафа были вывалены на пол, подушки разорваны и диван посыпан перьями, точно снегом. На кухне картина была не лучше: крупы, макароны, соль, сахар, рассыпанные на столе и полу, напомнили мне сказку о Золушке. Я поняла, что никогда не буду это перебирать, а выброшу все в мусорку.

Мысль о мусорке логически подвела к мысли о бомже. Так он это или нет?

– Посмотрите внимательно, что у вас пропало?

– Да у меня и красть-то нечего, – ответила я. – Только беспорядка наделали.

– Но все же...

Предполагая, что могу быть ограбленной, потому что взяла Альбинины проблемы на себя, я попыталась предпринять вчера некоторые меры предосторожности. У меня было две сотни баксов и несколько золотых украшений. Обойдя всю квартиру и не найдя никакого укромного места, я захватила баксы и золото с собой. Причем кольца и кулон не надела, а положила в сумочку. Сумку вчера уже обчистили, а в одно место снаряд дважды не попадает, – решила я.

Тем не менее, я заметила, что украли бутылку коньяка, все СД-диски, книги серии «Русский бестселлер», новые духи и другие мелочи. Из мелких вещей более ценного здесь ничего не было, а громоздкая бытовая техника, впрочем утюг и фен, грабителей не интересовали.

– Чувствуется по почерку, что подростки-наркоманы потрудились здесь, – сказал рыжий следователь, когда я назвала украденные вещи.

У меня отлегло от сердца. «Все-таки это не мой бомж, – сделала вывод я. – А значит вечером он должен прийти».

Вскоре милиция уехала. Я стала разгребать завалы. По ходу дела я обнаружила еще пропажу новых колготок в упаковке, старых джинсов и своей любимой сиреневой блузки. «Похоже

среди воришек была девчонка, – подумала я. Девчонка – это не мой бомж. Ну зачем ему мои колготки и духи? Продать? Да кто купит у него? Может подарить такой же бомжихе? Вдруг у него подружка есть? Представляю, туфли каши просят, зато колготки новые! Месяц, а может и больше не мылась, зато моими духами пользоваться будет! Стоп! Чушь какая-то! А лазерные диски? Нет, это точно не мой бомж!»

Глава 10

Взрывы жилых домов в Москве оказали свое влияние и на судьбу Анатолия Ковыги. Однажды его застали в подвале, но не выгнали, как это случалось раньше, а предложили остаться так, заняв один из пустующих сарайчиков, которых было там немало. Жильцы решили, что таким образом обезопасят себя от того, что кто-нибудь заложит в их подвале взрывчатку.

Анатолий согласился с радостью. На вход в подвал вместо ветхой деревянной поставили металлическую дверь и дали ему ключи от замка. Поначалу ему приносили покушать, отдавали старую одежду и мебель. Он оборудовал себе комнату, спал на мягком диване, сменил поношенную одежду, вспомнил вкус давно забытых первых блюд. Одна старушка-блокадница Ленинграда каждый день приносила ему маленькую кастрюльку щей или супа. Это было время райской жизни. Но Анатолий понимал, что так вряд ли долго продлится.

Сначала умерла старушка-блокадница, и он лишился ежедневного супа. Воровать консервированные огурцы и помидоры он здесь не решался, боясь, что его выгонят. Деньги, вырученные от сдачи пустых бутылок, собранные в этом подвале, быстро кончились. Анатолий стал снова копаться в мусорках. Но к этому ему было уже не привыкать.

Однажды его обвинили в краже газет из почтовых ящиков, хотя он никогда и не заходил в подъезды этого дома, и пригрозили ему участковым. А потом постепенно перестали обращать на него внимание.

В этом подвале Ковыга прожил больше года, потом кто-то купил это подвальное помещение, чтобы устроить там не то кафе, не то магазин. Анатолий снова остался без определенного места жительства. Опять начались скитания.

Однажды на улице к нему подошла журналистка и уговорила рассказать ей историю своей жизни. Он колебался, но она пообещала заплатить сто рублей, и он рассказал о себе, естественно, не назвав фамилии. Журналистка настолько была тронута его историей, что дала ему двести рублей.

Когда к Анатолию на улице подошел мужчина и предложил поработать, тот отказался, потому что узнал в нем однокурсника Сашку Павлова. Павлов разумеется не узнал Ковыгу и продолжал объяснять, что Москва поделена на сектора, где нищие могут просить милостыню. Он обещал Анатолию предоставить «рыбное» место, но получив отказ, дал ему в морду и сказал:

– Увижу на своей территории, убью, скотина!

Последнюю зиму Анатолий провел на дачах в ближнем Подмосковье. Он кочевал из одного поселка в другой. Было много всякого – хорошего и плохого. Одни сторожа травили его собаками, стреляли в него из охотничьего ружья, другие входили в его положение: кормили, одевали, давали ночлег и советы.

Весной Ковыга вернулся в Москву, в районе Новых Черемушек было еще много «хрущевок», в подвалах и на чердаках которых он искал себе пристанище. Удивительно, но Анатолий снова нашел себе подвал, из которого его не гнали. Жильцы знали, что он обустроился там, но в упор не замечали его.

Однажды он услышал о том, что к зиме пятиэтажку будут сносить из-за ветхости, и понял, почему жильцы не обращали на него внимания – они жили в предчувствии переселения...

А пока у Анатолия было свое «жилье». Он, как гоголевский Плюшкин «тащил туда все подряд». Он не знал, зачем ему черная-пречерная кастрюлька, но положил ее в свой мешок.

Теперь он вынимал из мешков вещи, взятые из квартиры странной девушки, назвавшей себя экстрасенсом, а также вынутые из мусорки. Несомненно, Анатолий собирался вернуться к ней вечером, чтобы забрать все остальное. «Добрая девушка, – думал он. – Сунула мне хлеб и

колбасу. Она говорила мне о своей подруге, которой грозит моя участь, и что во всем виновата какая-то ведьма».

Анатолий, решивший однажды, что случившееся с ним – расплата за членские взносы комсомольцев, больше не искал виноватых. Он просто утвердился во мнении, что заслужил такую жизнь. Теперь какие-то сумбурные мысли завертелись в его голове. Его стал точить червь сомнения. «Может быть я уже заплатил за свою жадность сполна? Вдруг эта девчонка, действительно, может помочь? Я ведь раньше верил экстрасенсам, даже обращался раз к помощи ясновидящей Тамаре, чтобы та определила выгодна ли сделка с мукой» – вспомнил он.

Вдруг Анатолий расплакался, как женщина, совершившая необдуманый поступок. Слезы градом текли из его глаз. Он закусил нижнюю губу и, только когда почувствовал во рту вкус крови, разжал зубы. Он вспомнил! Впервые за эти годы унижений и скитаний, он вспомнил слова ясновидящей Тамары и понял, почему он превратился в нищего бомжа. Слезы еще лились по щекам, теряясь затем в густой бороде...

Анатолий Семенович спросил у Тамары, сможет ли он получить прибыль от реализации трех вагонов муки. Ясновидящая попросила написать на листке бумаги, какую прибыль он намерен получить. Ковыга написал минимальную сумму, которая устроила бы его. Тамара прочитала записку, посмотрела на потолок, многозначительно кивнула и попросила написать, какую максимальную сумму можно, по его мнению получить от этой сделки. «Для меня это очень важно», – сказала она, пожирая его глазами. Ковыга знал, что от этой цифры зависит сумма гонорара, который возьмет за свои труды ясновидящая. Ему показалось, что Тамара не слишком перетруждается, поэтому не стоит ей платить лишнего. Он написал вторую цифру, явно занизив «потолок».

Тамара ехидно улыбнулась, прочитав записку, снова отвела ясновидящие глаза кверху, потом посмотрела на Анатолия и загадочно произнесла:

– Да, такая прибыль возможна. Если вы не хотите ничего добавить, то я начну настраивать ваш бизнес на удачу. Ну так что?

– Начинайте, – коротко ответил он, не понимая, с кем заигрывает Тамара, с ним или с нечистыми силами.

Манеры ясновидящей разговаривать и смотреть на него, казались коммерсанту странными, в них содержался какой-то намек. Но он не считал нужным разгадывать ее шарады.

Тамара заставила его закрыть глаза. Анатолий повиновался. Он просто сидел с закрытыми глазами и ничего не чувствовал.

– Все, вы настроены на удачу, – певуче произнесла Тамара и прищурилась так, словно ждет от Анатолия больше, чем оговоренную ранее денежную оплату ее экстрасенсорных услуг.

Анатолию совсем не нравился этот тип женщин, тем более она была старше него. Он почувствовал себя неудобно, поэтому не стал спрашивать ясновидящую больше ни о чем, хотя ранее хотел узнать, сколько лет проживет. Ковыга положил на стол сумму, равную одной десятой процента от последней написанной им цифры, и ушел.

Муку удалось реализовать намного дороже. «Ну не идти же к ясновидящей и не доплачивать ей за услуги, – подумал он тогда, – а если прибыль оказалась бы меньше, я же не пошел бы к ней, чтобы взять сдачу!»

Теперь Анатолий не сомневался, что его обнищание – дело рук ясновидящей Тамары. Он вдруг понял, почему она так странно смотрела на него, она видела его насквозь. Она читала его мысли о том, что он хочет получить больше, чем написал, а потому заплатить меньше, чем надо. Тамара давала ему шанс исправить свою ошибку, а он им не воспользовался. Более того, он считал себя победителем, не поддавшимся на чары ворожеи.

Слезы высохли. Анатолий мысленно взвешивал две чаши весов. На одной были членские взносы добросовестных комсомольцев, на другой – сумма, недоплаченная ясновидящей Тамаре. Сначала чаша с членскими взносами упала вниз так, словно на нее положили стопу-

довую гирию. Анатолий продолжал взвешивать свою вину, не думая больше ни о чем другом. Он находился в состоянии полной медитации. Постепенно вторая чаша с совершенно мизерной суммой стала опускаться вниз. После того, как они поравнялись, членские взносы стремительно полетели вверх, потеряв в его подсознании весь свой вес. А на другой чаше были все сто пудов! Да, Анатолий на подсознательном уровне почувствовал, в чем разница.

Он вернулся мыслями в настоящий день. Судьба дала ему шанс – послала девушку с экстрасенсорными способностями. «Разве я мало страдал? – думал он. – разве я не заслужил того, чтобы вернуть себе имя и законные квадратные метры, положенные мне хотя бы по социальной норме». Он вспомнил жену Ирину и сына Семена, названного в честь деда. Ему не хотелось верить, что они сгорели. Он теперь понял и простил Ирину за то, что она выгнала его на улицу без документов...

Анатолий вышел из своей каморки в узкий коридор подвала и осветил найденной вчера зажигалкой водопроводную трубу. Он прошел вдоль нее несколько метров, знал что где-то там на ржавой трубе стоял «хомут». Он отвинтил гайку, снял металлическую скобу и резиновую пластинку. Это был его душ! Пригодился пузырек из-под шампуня, вынутый им из мусорного контейнера. Вода хлестала мелкими острыми струйками из дырявой водопроводной трубы, как душ «шарко». Он умудрился налить воды в пузырек и получить много-много душистой пены. Анатолий стянул с себя лохмотья и подставил свое тело под душ «шарко» и намылился шампунем с запахом фруктов. Анатолий вымыл длинные запутанные волосы и густую бороду.

Нелегальный жилец подвала едва успел смыть с себя пену, как услышал, что дверь с улицы открылась. Недовольный женский голос сказал:

– Ну что ты за мужик, если не можешь определить, где течет труба! Я же должна достигать. Слышишь, вода льется? Идем!

– А если там этот бомж?

– Он безобидный. Держи фонарик.

– Нет, давай лучше вызовем сантехника.

– Но ведь так уже было. У всех вода есть, по нашему стояку нет! Нет заткни ты чем-нибудь эту дырку, и машинка дополоскает белье!

Анатолий спрятался в своей каморке и стал скорее одеваться в чистые вещи. Каждое лето он стирал все, что у него было, в Москве-реке. Он облачился в одежду, вынутую из различных мусорок. Неважно, что брюки были широки и коротки, зато пиджачок с прожженной дырочкой на лацкане был ему впору.

Анатолий занервничал, он испугался опоздать к девушке, разрешившей прийти к ней за ненужными ей вещами. Законный жилец этого дома ремонтировал трубу, и Ковыга не хотел с ним встречаться. Собственно, Анатолий мог вылезти в маленькое окошко, как это обычно и делал, но сейчас он боялся, вдруг услышав шум, жильцы пойдут по катакомбам подвала, чтобы отыскать его, избить и выгнать? Он боялся их, они остерегались его. Хотя Ковыга был и, правда, безобидным.

Наверно, мужик, чинивший водопровод был не очень большим специалистом в этой области. Жена постоянно давала ему какие-то советы, но все равно тот долго ставил новый «хомут».

Анатолий не находил себе места, думая, что жильцы провозятся с трубой целую вечность. Он нервно расчесал грязной расческой волосы, они не распутывались. Тогда он взял тупые ножницы и срезал бороду, потом хотел подстричь волосы, но передумал.

Наконец, «ремонтники» ушли. Анатолий вышел из своего жилища, площадью в два квадратных метра, – прикрыл дверь и вылез в окошко. Его облаяла собака, такая же бездомная, как и он. Анатолий прикрыл лаз фанеркой, отряхнул свой праздничный «прикид» и направился навстречу своему будущему. Он твердо верил, что срок, назначенный ему ясновидящей Тама-рой он честно отсидел по чердакам и подвалам. Ковыга не собирался больше брать у девушки-

экстрасенса никаких вещей, он решился рассказать ей о себе и ненасытной, корыстной ясно-видящей Тамаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.